

нечно же, по законам средневекового отражения целого в части и по средневековым законам строения самой этой части. Важно, что культура средневековья не есть сумма или произведение частей — «возьмем алхимию, прибавим к ней ремесло, вычтем религию, добавим астрологию, приплюсуем искусство, все это умножим на труд землепашца и феодальную собственность и получим должный результат», — но органическое целое. Воспроизведение культурного феномена в его целостности — неперменное условие диалектико-материалистического анализа истории. Не в алхимии ли причудливо переплелись и средневековое ремесло, и средневековое теоретизирование, и средневековая ритуальность, и средневековый способ хранения и передачи опыта, освященного рецептурным запретом, авторитарной традицией? А может быть, все это вовсе не средневековое; напротив, чуждое этим самым средним векам? Или, наконец, погранично культурное, инокультурное? И тогда алхимия — реторта радикального, химического, взаимодействия эллинской, арабской, грядущей ренессансной культур? Та реторта, в которой осуществлялась перегонка, ступенчатая ректификация средневековой культуры в культуру ренессансную? Или все-таки отражение средневековой культуры, но в карикатурных, вырожденных, превращенных формах? А если верно и то, и это, то не посчастливится ли нам увидеть в этой самой алхимической реторте становящуюся и преобразующуюся культуру средневековья и целостной, и гетерогенной одновременно; и потому естественной? И тогда причуда алхимического феномена, может быть, окажется исторически значимой причудой; странным «кинобытием» (говоря в терминах Гегеля) культуры нового времени; или — осторожнее — культуры Ренессанса. Внутри средневековой культуры как своего рода предчувствия, предположение иной культуры.

В-третьих, понять место и роль алхимии в истории европейской науки в целом и в особенности в истории химии, коль скоро алхимический текст и алхимическое дело есть все-таки химический текст и химическое дело. Но лишь при условии, что алхимия предшествовала химии и была ее источником не своими «рациональными вкраплениями», но опять-таки вся целиком — как единый противоречиво средневековый культурный феномен. И тогда нормативная рецептурность алхимии, и ее корпоративная ремесленность, и ее связи с астрологией, мистикой чисел, искусством, внимание к цветовой выявленности химических составов и, наконец, ее фантастический задел — нацеленность на радикальное превращение вещества — должны быть не отброшены, а принципиально учтены, если мы действительно хотим понять возникновение химии как науки нового времени. Ибо почти очевидно, что и химию, и физику, и механику нового времени породили не «предхимия» или «предфизика» средневековья, но единое, еще не специализированное и синкретическое «природоведение — рецептурное ремесло — культовое руководство к действию» того же самого средневековья. Вот почему едва ли плодотворно проецировать нынешнюю химию на несколько сот лет назад, а потом искать ее «первые шаги», «зерна» (и, конечно же, — не мудрено! — успеш-